

Елена КРЮКОВА

Родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького.

Автор книг стихов и прозы, куратор и автор художественных проектов в России и за рубежом. Лауреат премии им. М.И. Цветаевой, Кубка мира по русской поэзии, премий журнала «Нева» за лучший роман года («Врата смерти», 2012), им. Горького (2014), им. И. Гончарова (2015), Международной литературной премии им. А. Куприна (2016), Международной премии им. Э. Хемингуэя (2017) и других.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЗАВТРА ПРИДЁТ

О творчестве Людмилы Ефремовой*

Прекрасному предела нет. Так же, как и совершенству.

Поэт прекрасен тем, что жив, непредсказуем и меняется каждую секунду; он в той же мере дитя мгновения, в какой и ребёнок Вечности.

Как нам быть с теми, кто уже ушёл за горизонт, перешагнул Порог?

Людмила Ефремова, Мила Ефремова, Мила... Людмила – милая людям. И – милая стихам, любимая стихами: ощущение, что она носила стихи за пазухой, у сердца, как драгоценных белых голубей, и – внезапно и сильно – руками взмахнув, – выпускала их, бросала в небо: летите!

Бросала – людям... крылатый хлеб поэзии, крылатую мечту о вечном путешествии, о вечном Мире в сердце твоём...

Мила ушла. Ушла ли, если её стихи – с нами? Может, ей ещё только предстоит прийти к людям? Вернутся голуби. Возвратятся странники по звёздам. Они не расскажут о скитаниях своих: они о них – споют.

* Ефремова Людмила Юрьевна (1955–2015). Родилась в Душанбе. Детство провела на побережье Баренцева моря. Жила также в Прибалтике, на Крайнем Севере, в Якутии, в Нижнем Новгороде и Ашдоде (Израиль). Окончила Горьковский политехнический институт (радиофак) и Нижегородский институт развития образования (практическая психология). Работала инженером-системотехником, журналистом, театральным администратором, психологом.

Автор книг стихов и прозы «Характер» (1985), «Шла, тихонько напевая» (2003), «Ловец бабочек» (2005), «Сказки нашей жизни» (2010). В настоящее время московское издательство «Интернациональный Союз писателей» готовит к выходу в свет составленную Михаилом Песиним объёмную книгу поэзии и прозы Милы Ефремовой «Свет неугаемый».

Молчи, молчи. В глубинах зреет слово,
Ему ещё являться не черёд,
Оно ещё для дела не готово –
Не дышит, не играет, не поёт.

Молчи, молчи, наивный прорицатель,
До времени замкни свои уста,
Следи покуда за гаданьем капель
По розовой ладони лепестка.

Переживай зерна произрастанье
И вымиранье редкостных зверей.
Пусть не открыть – пытайся вникнуть в тайну
Всего живого на земле твоей. (...)

Мила – смелый человек. Она нарушала, разрушала, запрещала, возрождала, воскрешала себя. Собирала по крохам. Лепила на ощупь, вслепую. Улыбалась, когда особенно крепко и дико судьба хватала за горло. Она, как в той знаменитой старой песне, шла по жизни смеясь, и только самые близкие, самые родные и любимые люди видели её слёзы, понимали её отчаяние, утешали и утишали её боль и горечь. Человек не живёт без трагедии; в особенности поэт, изначально настроенный на камертон радости, но вынужденный жить в самой сердцевине земных страданий.

Как преодолеть Время? Как с ним, с главным врагом, побороться? Очень просто: надо стихом обнять и полюбить его. Чистый и честный голос, искренний, полный великой любви, всегда далеко слышен. Но, как любое искусство, поэзия не только искренностью жива; поэзия не терпит приблизительности, лукавства, дилетантства, неумения, лицемерия, лживого пафоса. Для того, чтобы сыграть «Лунную сонату» или «Полонез-фантазию», надо сначала долго, страдально, терпеливо учиться музыке. Чтобы играть, как дышать. Играть, как жить. А жить так, как музыка звучит. Как поэзия – дышит...

Всё можно, всё – когда бы только знать,
Что это в утешение и в радость.
Пускай бушует девственная младость –
Всё можно, всё – когда бы только знать.

Всё можно, всё – когда бы только знать,
Что светофор не загляделся красным
Бесовским светом... Пусть и без соблазна,
Но кое-что возможно – только б знать.

Всё можно, всё – теперь. Гляди вперёд!
Твой тепловоз оставлен машинистом,
Свистит листва, и стрелочник неистов...
Всё можно, всё. Теперь – гляди вперёд!

От нижегородских круч над Волгой-матушкой до сибирских гольцов, от якутских синих, железных морозов до жёлто-каменного, песчаного зноя Иерусалима – немало щедростей показала ей Земля-планета, поднесла судьба-звезда, как хлеб-соль, на широком зимнем, серебряном, заиндевелом блюде. Жизнь и судьба – не синонимы. Судьба вышита ярким крестом по снегам и пескам, а жизнь – она внутри. Она есть

биение сердца. Она – тайна. Ты сидишь в кресле, ты лежишь в кровати, ты закрываешь глаза, с трудом преодолевая боль, зачёркивая её черновик крошечным сном, а жизнь стучит в твоей груди, разрывая хрупкие рёбра, и ты понимаешь: сейчас вылетит птица, негоже ей в неволе томиться. Дух веет, где хочет! Древняя библейская истина целиком и полностью подтверждена поэтом в строчках, что льются слезами, прорезают тело кровью, но душа, как ни странно, исцеляется именно ими. Дух – это врачебный бинт, снежная марля. Дух – хлеб для голодных, мир для измученных сражениями, вера для тех, у кого отняли Бога.

И Дух – его работа! – да, в поэзии.

Ещё не прирастают звуки слов
К сознанию, что странствует по телу,
Как лодочник, забросивший весло,
Плывущий наугад в тумане белом.

Сокрыты поволокой небеса,
И не видать ей ни конца, ни края.
Ах, лодочник, в седых твоих усах
Не золотая рыбка ли играет?

Эй, лодочник, пройдемся по песку.
Возьмём с собой измученное тело,
Нальём вина, разгоним грусть-тоску...
Ну что тебе искать в тумане белом?

Молчание. Размыты корни слов.
Из влаги проступает абрис лодки.
Эх, лодочник, забросивший весло,
Куда-то ляжет путь твой не короткий...

Мы не знаем, что такое поэзия. Почему человек говорит в рифму, слагает стихи. Только ли потому, что его жизнь интуитивно, изначально ритмизована, и, как в той шуточной Библии музыканта Ганса фон Бюлова, *am Anfang war der Rhythmus...* («В начале был ритм...»)? Только ли потому, что первозданная, первобытная поэзия – это песня и молитва? Мила Ефремова жила поэзией; так живут надеждой на спасение терпящие бедствие, так передают огонь – из рук в руки – погибающие от нашествия тьмы крошечной. «...Так начинают жить стихом», – сказал когда-то Борис Пастернак, и всякий поэт жить стихом – продолжает, внутри всех передраг и предательств, внутри всех войн и замирений, на фоне глобальных потрясений и личных неизбежных драм. И стихи становятся прочным (и, увы, таким тонким!) канатом, по которому поэт переходит жизнь над пропастью смерти: отважно, безоглядно и стремительно.

А если и любовь –
то всё одна и та же.
А если и печаль –
то только о тебе.
А если и мечты –
то не мечтаю даже,
Я не хочу измен
в простой своей судьбе.
И если этот мир
положен мне в награду,

И если этот мир
тавром мне на плечо
Возложен палачом –
иного мне не надо,
Хоть со слезами, но...
Ещё, – спрошу. – Ещё!
Великая судьба
иль горькая судьбина –
Года произведут
свой точный пересчёт.
Но даже если я
твой светлый рай покину,
И на пороге в ад
«Ещё», – спрошу. – Ещё!

Поэт Людмила Ефремова... Помню её широко распахнутые цветочные, огромные глаза, глаза цвета неба, а вернее, цвета весенней фиалки. Она глядела так же, как пела. Её голос, нежный и сильный, когда она читала стихи, превращался в чудесный природный вокал, и стихотворение обретало очарование архаического, почти античного, забытого мелоса. Но перед нами – при всём изяществе стиля и образной, и семантической грациозности – современный художник. Миле были внятны все дымные, кровавые и остросюжетно-необратимые приметы Времени, в котором она жила. Ведь она была журналисткой – а это значит, свидетелем. «Свидетельствую, ибо истинно». И да, конечно, «...блажен, кто посетил сей Мир в его минуты роковые» (Ф. И. Тютчев). Со всей громадной сердечною чашей своей Вечной Женственности (ею она была одарена безмерно), Мила насквозь видела, как некий духовный рентген, рок преступления и обречённость возмездия. Стиховую фантазией, вольным полётом поэтики она спасалась от пытки безжалостной документальностью, от болевого порога жёсткой и жестокой правды.

В традиции русской поэзии – сражаться стихом.

Но в традиции русской поэзии и утешать стихом. И перевязывать стихом раны. И прощать стихом прегрешения. И молиться стихом – си-речь самую любовью – на пороге гибели – о бесконечной жизни.

Ничего не будет, слышишь?
Будет так же, как всегда,
Тот же ветер биться в крышу,
Замыкая провода.

Те же вымокшие сени,
Перекошенный венец,
И любовь – из опасенья
Не отчаяться вконец.

Прозаик Людмила Ефремова... А чем проза отличается от поэзии? Как говорил Максимилиан Волошин, проза – стихи, записанные в строчку, а поэзия – проза, записанная в столбик. Шутки шутками, но личность человека неделима; у ритмики прозы, у её вербального наполнения свои законы, кто же спорит, но если в прозе автор перестает быть поэтом, проза теряет смыслы: то, ради чего её создают. Мила – поэт и в прозе; прозу ей было легко писать – журналистская школа помогала в композиции, в разработке сюжета; но ведь искусство – это чувство, а чувство есть чистая поэзия, и ей Мила никогда не изменяла.

Человек лежал на жёлтом песке. В ногах у него колыхалось синее море. Над головой висело синее небо. В синем небе летела белая птица. Ей это трудно удавалось – трудно лететь в висающем небе. Птица усердно махала крыльями, словно пытаясь перелистнуть слипшиеся страницы. Человек поднялся с песка прямо в синее небо и полетел рядом с птицей, помогая ей перелистывать страницы. Он не заметил, как сам превратился в эту белую птицу, но, когда понял, синее море уже лежало под ним, заливая видимое пространство от края до края, небо расширилось и потеряло границы. Оно поднялось вверх, изогнулось куполом, уходя краями в бесконечность.

Прожить жизнь во взлёте или в падении?

Прожить жизнь в пути к вершине, в синие небеса – или в мучительной дороге в пропасть забвения, в чёрную яму никому ненужности и бессмыслицы?

Жизнь непонятна нам, живущим. Ещё более непонятна смерть. Мы все боимся смерти; мы не хотим о ней и говорить, и думать; мы делаем её нравственным табу; но не проходит и дня, чтобы мы не говорили, пусть шёпотом, о ней, и не помышляли о ней, хоть краем сознания.

Поэт переступает Порог. Боже, как жаль расставаться! Я не сделал всего, что хотел. Я ещё не надыхался. Я ещё не сказал любимому человеку, как беспредельно я люблю его. Что со мной будет там, за Порогом? Ждёт ли там жизнь? Разве смерть – пустота? Зачем Мирь устроен именно так, не иначе? И что я, поэт, могу сделать ещё для моего Мира, ведь завтра я его покину навсегда?

...я могу – спеть.

Мою последнюю песню.

...а завтра она станет первой.

Для тех, кто завтра – на землю – придёт.

Вот свет, за которым кончается дом.

И дом, за которым кончается свет.

И нам говорить уже можно о том,

Чего нет в помине и в памяти нет.

Там чёрным асфальтом застыла река.

Там в каменном небе висят облака.

Там мёртвою хваткой сжимает рука

Века.

Но ты, за которым кончается жизнь,

И жизнь, за которой окончишься ты, –

Всего лишь томление сжатых пружин?

Всего лишь могильные в лентах цветы?

Пусть солнце устало сойдёт в облака.

Пусть так же бессильно повиснет рука.

Но кто-то ж поднимет заздравный бокал!

Пусть так!

А ты, за которым кончается жизнь,

В дому, за которым кончается свет,

Возьми себя в руки

и продержись.

Привет!